

33 СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

В ПЕРЕВОДАХ НИКО БАРНАБИШВИЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Вначале я изложу тот, выдвигаемый здесь, вероятно впервые, принцип художественного перевода, который я заложил в предлагаемые мной русские переводы из грузинской поэзии. Для краткости изложения определим его на примере грузинско-русских переводов. В предлагаемых переводах, я озвучиваю не грузинское стихотворение на готовом русском языке, а, наоборот, стремлюсь найти такие неиспользованные потенциальные возможности в самом русском языке, которые в моём переводе позволят ему (русскому языку) зазвучать по-грузински. Причём, язык перевода безусловно должен быть истинным по духу и правильным по форме русским языком, хоть и звучать (создавать музыку звучания)

он должен по-грузински. Если быть совершенно точным, зазвучать в русском (переведённом) тексте русский язык должен не отвлечённо по-грузински, а конкретно, по-бараташвилевски, по-галактионовский и т. д., но тем не менее, вообще говоря, и по-грузински. И хоть, вероятно, формулируется этот принцип здесь впервые, тем не менее он не изобретен мною, а всегда существовал в лучших художественных переводах, дающих возможность полностью ощутить и правильно понять суть и эстетику иностранного шедевра на собственном языке. В качестве наглядного примера укажем на англо-русские переводы С. Маршака из поэзии Р. Бёрнса и на его же переводы сонетов У. Шекспира. Если переводчик не следует этому принципу сознательно или подсознательно, то он создаёт не эквивалент инородного произведения, но – лишь собственное сочинение на тему иностранного оригинала. Конечно, и этот, последний вид перевода, за неимением более точного (точность здесь понимается по духу философского и музыкального феномена, т.е. по смыслу и звучанию), может служить заменой органическому (назовьём предлагаемый нами метод этим термином) переводу и приносить определённую пользу с точки зрения приближенного ознакомления с иностранной литературой; однако при всём том, любой талантливый перевод всегда является новой ступенькой на пути к достижению эквивалента.

Теперь я хочу вкратце определить своё субъективное отношение к проблеме перевода произведений представленных здесь поэтов, поэтому высказываемые ниже мнения и определения не претендуют на бесспорность и окончательность.

Проблема перевода на русский язык поэзии Н. Бараташвили в принципе была решена Б. Пастернаком, но тем не менее вопрос русского эквивалента главного произведения Бараташвили «Мерани», даже после перевода Б. Пастернака оставался открытым. На сегодня известно много переводов этого произведения (непросто даже сосчитать), но из них общепризнаны два выдающихся перевода: первый – самого Б. Пастернака и второй – М. Лозинского. При высоких художественных достоинствах этих переводов отметим, что Б. Пастернак в принципе выразил направление идей Н. Бараташвили, заложенных в стихотворении «Мерани», но образы «Мерани» в его переводе были заменены как бы символами последних и, таким образом, лишены множества своих существенных черт. М. Лозинский же в своём переводе в определённой мере передал богатство упомянутых черт образов «Мерани», создав благодаря этому напряжённую атмосферу стихотворения, но при этом им были игнорированы идеи заложенные в «Мерани»: «Мерани» у Н. Бараташвили весь устремлён в будущее, М. Лозинский же развернул его на 180 градусов и направил в прошлое, в былинные времена. Необходимо отметить, что определённые критические замечания в адрес названных переводов Б. Пастернака и М. Лозинского высказаны здесь лишь в их отношении к

своему первоисточнику, сами же по себе, по своей внутренней структуре оба эти перевода художественно неопровержимы. Я же в своём переводе попытался решить отмеченную выше альтернативу в проблеме перевода «Мерани» не компромиссом между указанными двумя направлениями (компромисс здесь был бы бесплоден), но в принципе, изменив само отношение к «Мерани» и, подойдя к нему не как к стихотворению, а как к драме. В связи с этим отметим, что несмотря на свой относительно небольшой физический объём, структура этого стихотворения такова, что внутреннее его пространство огромно – словам здесь тесно, а идеям и образам просторно. Такая рабочая гипотеза позволила чётко выявить драматическую сущность этого стихотворения Н. Бараташвили в русском переводе и, в частности, выразить две противоборствующие силы, составляющие основу драмы «Мерани»: дух самого поэта, дух свободы, с одной стороны, и дух рабства – с другой.

Общеизвестно, что несмотря на большое количество (в том числе, имеющиеся отдельные примеры удачных) переводов стихотворений Галактиона Табидзе на русский язык, проблема перевода поэзии Г. Табидзе является нерешенной: признанный на родине великим поэтом, Галактион не выглядит таковым в русских переводах. Причина этой нерешенности, на мой взгляд, кроется в том, что в переводах как правило не проглядывает лицо поэта-мыслителя, а есть один лишь лирик. В представленных переводах я попытался возратить лирике Галактиона его философию, восстановить распавшуюся связь (найдя утерянную часть).

Нико Самадашвили – это практически неизвесенный не только русскому, но, до самого последнего времени, и массовому грузинскому читателю великий грузинский поэт. В грузинской поэзии есть пять вершин мирового уровня: Ш. Руставели (XII – XIII вв), закончивший жизнь в изгнании, в Палестине монахом Крестового монастыря; Н. Бараташвили (1817 – 1845 гг), никем не признанный при жизни и умерший в бедности в маленьком городке Гандже (современный Азербайджан), где он сумел устроиться на работу мелким чиновником; Важа-Пшавела (1861 – 1915 гг), был признан поэтом при жизни, но зарабатывал себе на жизнь тяжелым крестьянским трудом, умер в бедности; Г. Табидзе (1892 – 1959 гг), был признан при жизни, имел правительственные награды, однако подвергался травле со стороны литературно-поэтической общественности (см. стих. «Когда Актеон, сын Аристея»), покончил жизнь самоубийством, выбросившись из четвёртого этажа правительственной больницы, где лечился от алкоголизма; Н. Самадашвили (1905 – 1964 гг), не признанный поэтом и не опубликовавший при жизни ни одного стихотворения. Вообще, все великие грузинские поэты – фигуры трагические, но лишь в поэзии Самадашвили именно этот трагизм нашёл своё наиболее яркое воплощение – он как-бы взорвался в его поэзии. Поэтому поэзию Н. Самадашвили, хронологически самого последнего из великих поэтов Грузии, можно определить как трагедию духа, трагедию человеческого духа на Земле. И эта трагедия выражает всеобщую трагедию человечества, утерявшего к концу XX в. опору в собственном разуме. Поэт в своём творчестве разрывает связи с Землёй, с человечеством и уходит из вселенной, причём здесь нет никакой бутафории, всё это ощущается как реальность (таковы искренность чувства и громадность таланта автора) – Н. Самадашвили космический поэт в самом глубоком смысле этого понятия. Космос настолько велик по отношению к человеку, насколько велико небытие по отношению к бытию, поэтому в творчестве Самадашвили космос отождествляется с небытием, а сам поэт как бы сознательно прекращает своё земное бытие, трансформирует его в небытие, для того чтобы слиться с космосом в своих стихах и, вероятно, в своём вечном бытии.

Впервые несколько стихотворений Н. Самадашвили были опубликованы в 1967 г. В 1973 г. был опубликован маленький сборничек его стихотворений «Бетания», который ещё в конце своей жизни он сам готовил к изданию, но так и не увидел опубликованным – запоздал этот сборничек на девять лет. Насколько мне известно, первые переводы Самадашвили на русский язык были сделаны в 1983-84 гг. поэтом Е. Евтушенко (стихотворение «Гений и колокольня»), вслед за тем несколько стихотворений в своих переводах опубликовал Б. Окуджава. Тогда же

были сделаны и мои переводы, до сих пор не публиковавшиеся. Они и предлагаются читателю в данном сборнике.

Поэт Ладо Асатиани большой мастер грузинского слова, и это мастерство он как бы наследует у самого Галактиона Табидзе. И хотя в его лирике нет философских глубин Галактиона, однако есть у него стихотворения и с философским подтекстом. Мною переведено одно из лучших его стихотворений «Крцанисские маки», содержащее именно подобный подтекст.

Иона Вакели в определенном смысле является уникальным явлением в современной грузинской поэзии – это оратор, поэт-трибун. Скажем точнее, народный трибун. Его стихи почти всегда содержат в себе проповедь – не просто выражение чувств и мыслей поэта, а непосредственное обращение к аудитории, к людям, призыв к моральному возвышению человека. И всё это на высочайшем художественном уровне. Не менее интересна и его лирика с философским подтекстом. В предлагаемых переводах представлены стихи обоих жанров.

Михаил Квливидзе хорошо знаком русскому читателю по переводам выдающихся русских советских поэтов и переводчиков. В поэзии он выступает в двух ипостасях: в первой – он законченный мастер психологического портрета, во второй – он экспериментатор (а иногда даже и генератор) в области поэтической формы. Оба этих направления его творчества тесно сплетаются в одном из лучших его стихотворений «Ушба». «Ушба» – это портрет женщины, по законченности, по силе и глубине воплощения возможно даже равный портрету Джоконды Леонардо да Винчи; но в то же время это поиск и генерация новой, отличной от классической, формы. Словом «генерация» я хочу подчеркнуть отличие производства (рождения) формы в этом стихотворении от чистого экспериментаторства, от алхимии в поисках поэтической формы. Я рискну объяснить это так. Внутренняя связь (связь между строками), а в конечном итоге звучание в поэтическом произведении осуществляется рифмами и ритмами. Рифмы могут быть сильными (полное созвучие, когда говорят – «слова хорошо рифмуют между собой») и слабыми (неполное созвучие, рифма не столько звучит, сколько улавливается), (не путать с «мужскими», «женскими» и пр. рифмами в старой, классической теории поэзии). Но рифмы не самоцель, а лишь средство для достижения цели в поэзии, поэтому стихотворение может быть и без рифм. Однако в этом случае усложняются его ритмы. М. Квливидзе крупнейший мастер стихотворения с усложненными ритмами, поэтому он может использовать сильные, слабые рифмы или нерифмы и в то же время получать не экспериментальную модель, а законченное стихотворение. Помимо «Ушбы» в предлагаемом мною сборнике даются переводы классически построенных стихов, а также коротких стихов, представляющих своеобразный философско-этический жанр, изобретенный самим поэтом.

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Я предлагаю Вашему вниманию свои переводы из поэзии шести грузинских поэтов. Здесь все без исключения – выдающиеся поэты. Может быть Вам поначалу не очень придутся по вкусу эти стихи; к ним надо немного привыкнуть, почти так же, как к воде «Боржом», или к кахетинскому вину (с той, однако, разницей, что это – пища не для желудка, а для разума). Заново прочтите хотя-бы некоторые из этих стихов спустя какое-то время после первого их прочтения, и, тогда, надеюсь, Вам понравится терпкий вкус натуральной (напоенной соками – нередко горькими соками – самой жизни) грузинской поэзии.

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

(МЕРАНИ)

Мой дух, мой крылатый Мерани, летит в неизвестном просторе,
Судьбы моей чёрный ворон каркает, эхом вторя!
Мчись конь, мчись крылатый Мерани, не ведает дух телесных граней,
И ветру эфирному передай тяжёлые волны мысли моей!

Промчись сквозь ветер, воду, пропасти и скалы;
Скачи во весь опор, и сократи нетерпеливому дни, полные страданий!
Ни в зной, ни в стужу не ищи покоя, и не жалея теряющего силы седока;
В полёт, мой конь, твой всадник сам обрёл себя!

Не жаль мне потерять отчизну, лишиться сверстников и друзей,
И пусть не увижу родителей и не услышу милой своей;
Отныне сын я земли немеченной, и Землю родиной назову,
Только звёздам, спутницам вечности, я завещаю тайну свою!

Стон сердца и остаток страсти отдам бушующему морю,
И этому прекрасному полёту, с безумием где вдохновенье спорит!
Мчись конь, мчись крылатый Мерани, не ведает дух телесных граней,
И ветру эфирному передай тяжёлые волны мысли моей!

Пусть я не буду захоронен на отчизне и с предками могил не разделю,
Пусть не заплачет обо мне любимая и слёзы горести не тронут грудь мою;
В песках пустынь могильщик-ворон выроет могилу, поставив росчерк на моей
судьбе,
И буря, наполняя кости звоном, грохоча, воя, сдаст меня земле!

Слёзы неба - ночная роса, бездыханное тело покроют как слёзы любимой,
Церемонию траурную заверша, крикливые грифы заголосят по обряду старинному!
Прочь, в полёт, мой Мерани, помчись стрелой, пронеси меня через грань беды,
Никогда не бывал всадник твой рабом, так не быть ему и рабом судьбы!

Пусть гибель мне несёт полёт мой роковой!
Меня не устрасит мой враг могучий - рабства дух людской!
Мчись конь, мчись крылатый Мерани, не ведает дух телесных граней,
И ветру эфирному передай тяжёлые волны мысли моей!

Пусть обречен я - не может быть напрасным порыв моей души,
И путь, проложенный тобой, мой дух, останется в веках несокрушим;
И, заменившему меня, собрату моему пусть облегчит судьбы он трудный путь,
И пусть, из дерзнувших взлететь, поможет миновать тяжёлой участи моей кому-
нибудь!

Мой дух, мой крылатый Мерани, летит в неизвестном просторе,
Судьбы моей чёрный ворон каркает, эхом вторя!
Мчись конь, мчись крылатый Мерани, не ведает дух телесных граней,
И ветру эфирному передай тяжёлые волны мысли моей!

Перевод с грузинского

Н. Барнабишвили

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Я И НОЧЬ

Сейчас, когда пишу я эти строки, ночь разгорелась, полночь тает,
В окно влетевший ветерок природы тайны мне вверяет.

Вокруг всё неподвижно, спит укрыто лунным серебром,
И только ветер шевелит сирень перед моим окном.

Голубым и синим светом небо так расчленено,
Так неполнено волшебством, как ритмами моё письмо.

Столбы таинственного света дают вещам такую мощь,
Что щедро плещется всё чувством, как моё сердце в эту ночь.

С давних пор и у меня тайна скрыта в сердце этом;
Я от всех её таю в темной глубине своей, не даю коснуться свету.

И неведомо друзьям, что за желчь вмещает сердце,
От которой мне вовек никуда уже не деться.

Не укрыть глухую думу сердца удовольствиям могучим,
Не похитить женской страсти страсть, которою я мучим;

Тихий стон во сне не выдаст, ни вино, и нет тех сил,
Чтоб отнять, что я глубоко в тёмном сердце поместил.

Только ночь в часы бессониц, вся сверкая зрачками звёзд,
Знает эту тайну, знает. Знает всё нагая ночь.

Знает – как осиротел я, как истязал себя напрочь.
Нас... двое в этом мире: я и ночь, Я и Ночь!

Перевод с грузинского

Н. Барнабишвили

СИНЕВА ИЛИ ВЕСНА ЗИМОЮ

Божья Матерь, прости мою блажь!...

Как зимою нагрывшая весна,
Жизненный путь мой просто мираж
И неба далекая голубизна.

Гор изломы укроются тьмой,
И если рассвет всё же мне померещится -
Ночь отпьянствовавший и хмельной,
К иконам пойду как усталая женщина!

Ночь отпьянствовавший и хмельной
Я прислонюсь к молитвенным дверям,
Солнечный луч в храм ворвётся стрелой,
И засверкает храм этот зверем.

И тогда скажу я: на! Я пришёл -
Лебедь израненный химерой мечты!
Смотри! Символ мученичества - моё лицо!
Смотри! Символ юности - его черты!

Смотри! Наслаждайся! Глаза немые,
Светящиеся прежде вспышками грёз, -
Ночь отпьянствовавшие и хмельные
Наполнены местью торжествующих слёз!

Наслаждайся! Так ли каждый поэт?
В стремлении к Богу каждый вот так?
Взлетает бабочкой на пламени свет,
И падает сожжённый к твоим стопам.

Где же счастье духа - и есть ли?
Кто так писал у меня на роду?
Как в своём раю Алигьери,
Я замурован в своём аду!

И когда на этом проклятом судьбою пути
Мне покажется призрак смерти,
Я обещаю из жизни уйти
Без имени твоего, без молитв и без лест!

Руки накрест сложу и под вой
Коней разгоняющих с адскою силой,
Ночь отпьянствовавший и хмельной
Сойду на покой в свою могилу.

Божья Матерь, прости мою блажь!...
Как зимою нагрывшая весна,
Жизненный путь мой просто мираж
И неба далёкая голубизна!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

КОГДА АКТЕОН, СЫН АРИСТЕЯ

Когда Актеон, сын Аристея,
Мягко ступая, шёл по лесу, охотясь,
Вдруг Артемиду он увидел нагую,
Средь своих нимф она красовалась
В струях прозрачных древней Парфьены.
Стал Актеон, свет богиня затмила,
Он приворожен был чудным видением,
Но наказала его та богиня,
И превратила в красавца-оленя:
Псам Актеон отдан был на расправу,
Свои же собаки его растерзали.
Узнаю, Галактион, я в тебе Актеона -
Твоё наказание в красоте мироздания,
И тобою выученные лают беспрестанно,
Те, что дрессируются - те же собаки.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили
ВЕЕТ ВЕТР...

Веет ветер, веет ветер, веет ветер,
Ветром листья разносит как весть...
Гнёт в дугу этот лес, этот кедр,
Где ты есть, где ты есть, где ты есть?..
Как дождит, как снежит, как снежит,
Без тебя мне не жить... мне не жить!
Образ твой, он со мной, он при мне
Постоянно, всегда и везде!..
Неба мыслей туманных Метр,
Веет ветер, веет ветер, веет ветер!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

У НЕГО ОТКРЫТЫ ОСТАЛИСЬ ГЛАЗА

Июньское солнце, бытъя катаклизмы!
Умерло солнце, остались открыты глаза!
Он как то бессильно ушёл из жизни,
Как будто погасла беззвучно гроза!

У него открыты остались глаза,
О, открыты остались его глаза!
Его прах приняла чужая земля,
И открыты остались его глаза!

И эти глаза голоса вечеров
Слушали робко, и взгляд убежал как лоза,
У него открыты остались глаза,
О, открыты остались его глаза!

Что там творится, может мне снятся
Траурной лиры прощальные звуки?
Вдруг прекращают струны смеяться,
От непогоды все эти муки!

Откуда доносится тихое пение
Остановившегося дыхания,
Секунд бесконечное отправление
И драгоценное воспоминание?

Лето уходит... не те уже музы,
Дуют ветры и трепещет одежда,
Снова я здесь... на родине, в Грузии!
Здесь дорогая, здесь я, надежда!

И эти глаза голоса ангелов
Слушали робко, и взгляд убежал как лоза.
У него открыты остались глаза,
О, открыты остались его глаза!

Ходит со мною твой взгляд, твоя мера,
На бархат падают тени кривые,
Повсюду незримо плачет Церера,
Глаза холодные и живые.

Стоило о жизни какой-то иной
Мечтать и жизни перечить не сметь?
Я не знаю дороги достойной земной,
Есть единственная дорога - смерть.

У него открыты остались глаза,
О, открыты остались его глаза!
Его прах приняла чужая земля,
И открыты остались его глаза!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

СКОЛЬКО ОСТАЛОСЬ НЕВЫСКАЗАННЫМ

Сколько желаний таинственных
Осталось без крыльев,
Время стирает единственность
Живущих в мире.

Голос, из прошлого выстреленный,
Коршуном замер,
Сколько осталось невысказанным
Между нами.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

НИКО САМАДАШВИЛИ
ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ

Ты от людей укрываешься бунтом,
Брось, прекрати эти бунты никчемные!
В горный массив уйди ранним утром,
И удайся от брэнной вселенной.

Если дорогу в горах не отыщешь,
Ветры Луну приподнимут повыше;
Кровь не примирит тебя с тем, пролившись,
С кем на дорогу к Земле бы ты вышел.

Прямо иди по хребту и по мукам.
Слёзы оставь на Земле этой брэнной.
Вверх уходи не издавши ни звука,
И, наконец, ты уйдёшь из вселенной.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

МАНАНЕ КАРТВЕЛИШВИЛИ

Лишь для тебя я жёг святым лампады,
Я праздник жизни полюбил, тебя любя,
Я жил в тебе, как в нас живут баллады,
Всю душу в строчки превращая для тебя.

Твой образ я в вине пытался занять,
Во мне играли страсти всех мастей,
В пылающей груди так громко пела память,
И память уставала от земных страстей.

Тень колокольни на твоём пороге –
Пляс призраков и языки огня,
Вдали... гимн праведников на пустой дороге
И след безмолвный мирового зла.

Вот те слова – ты в них со мною споришь,
В одних есть жизнь, мертвы другие строки.
Меня ты вероятно всё же вспомнишь –
Раствор стихов в отраве царской водки.

Что тут поделаешь, жизнь иначе не может,
Таков порядок тех, кто в ней зацвёл...
Всё тот же бог тебя и уничтожит,
Который из ничтожества возвёл.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ЖЕЛТИЗНА ЛЁГКИХ

Деревни Картли заката ждали,
Замолкнув под листвою деревьев-воевод.
Мне лёгкие как листья на ветру трепало
Упругое дыханье тела твоего.

Как плесень свет укутал землю.
Плач женщин медленно несла дорога.
Боялись жизни мы за нашей дверью,
И тихо зрела на душе тревога.

Моё сознание тогда сгорело,
Когда кричали петухами ветры.
Ты потрясённая смотрела,
Как лёгких желтизна померкла.

Умчали счастье, вот проклятье...
Хотелось смерть как благо принять.
За темнотой безмолвным счастьем
Белела вечности пустыня.

Ты мчалась прочь, что было мочи,

Искрилась радуга цветами.
А я бежал к Земле порочной,
Чтоб кончить там с колоколами.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

От дней погибших вновь приходят весточки.
Снег, темнота, дымит деревня в небо,
Ослепли что ли голубые девочки,
Или людей на этом свете нету.

Приливы темноты тебя рождают,
И умираешь ты зарёй сраженный.
В глухом лесу ты сердце оставляешь,
И сердце, словно мхом, обросло сном зелёным.

Развалины твоей забытой плоти
Свет молний освещает ночью тёмной.
И ветер паруса исчезнувшего флота
Несёт к тебе заботою огромной.

Тебе ведь жаль меня, я это видел в снах,
Ты знаешь – близкие клянют меня, смеются надо мной мещане.
Бывало вдруг всё путалось в глазах,
И часто прерывалось по ночам дыханье.

В страдальческом поту промокшую рубаху
Свихнувшаяся мать на углях сушит.
Ты помнишь вероломного рубаку,
Не смевшего простить твою святую душу.

Который нюхал эту землю вечно,
Как зверь лесной и как церковный нищий;
Который, чтоб отдать себя дорогам и лишнякам,
Спустился вниз от верных горных высей.

Тебе то что, тебя пусть боги носят,
Поэта даром ты как инеем оделся.
А если где-нибудь меня Бессмертье спросит:
“Тут мальчик был один, куда он делся?”

Ты расскажи ему: развеян ночью был он ветром,
Каким то чудом в вихрь он превратился,
Кричал он дважды за границей Света.
И как ушёл, так... и не возвратился.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ВЫСОХШИЙ ЧЕЛОВЕК

Вот здесь, среди этих полей и голых гор
Мы ведь волками жрали друг друга и кости валялись горой.
Вот эта картина: красуется всадник - воин и вор,
Блюдо он держит, на нём голова человека змеиной зияет дырой.

И мне наскучат тысячелетия одиночества.
Ночью зелёная ящерица в череп пролезет:
Закостеневшие её зачаруют муки отцветшего творчества,
И сквозь пустые глазницы осмотрит окрестность,

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

НИКО САМАДАШВИЛИ

Свистишь во мне ты так, как в клетке птица,
Ты утешение моё, одно на целом свете,
Я помню хорошо, когда ты появился,
Свирепым псом выл на пороге ветер.

Я, балагур, не смог тебя взлелеять,
Тебе другой бы нужен был был служитель,
Пространство мира становилось злее,
И людям крики Солнца стали сниться.

Соседи стрекотом ночным тебя прозали,
А век вонзал в тебя невидимые стрелы.
И людям чудились болезнью странной
Стихи, как сыпь распухшие на теле.

В моём древесном теле трепет, дрожь и холод
Все с хрустом переламывают кости,
Вином сраженный и судьбою перемолотый,
Целую я тебя – божественного гостя.

И до тех пор, пока ошпаренные губы
Не согревали чувств потухший кратер,

Сосал ты алучи раскрывшиеся груди,
И колыбель твою качала Божья Матерь.

Писать стихи твоею мукой стало,
Уж лучше бы пошёл работать в поле,
Ком и что юродство это дало,
Отдал бы ветру их – взамен ты взял бы волю.

И даже ветры б больше прочитали,
И закатились бы весёлым смехом;
Ночь слёзы у тебя мои отняли,
День твой раздавлен был слезами Века.

Хотел я защитить тебя, мой сокол,
Но вот колени подгибались от бссилья,
Раскалывалась голова моя, как колокол,
От звона вечного невыносимой силы.

Не смог я выходить тебя, что тут поделать?!
С тобой мы как кустов бессмысленные тени:
Но ты ещё быть может выпрямишься смело,
А я мечтать уж ни о чём не смею.

Перевод с грузинского
Н.Барнабишвили

* * *

Кроме стихов он творил лишь полезное,
Ритмы тревоги в стихах своих множил,
Может быть тот, кто болел той болезнью,
Вас напугал или чем-то встревожил?!

Всё – он погиб, теперь уже поздно:
Было темно и платаны умолкли,
И ликовали далёкие звёзды –
Вечности непостижимые щёлки!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

СУМЕРКИ

Пространство потемнело, лес заснул,
Свет потушил монах в далёкой келье.
С испугу на дворе вдруг встрепетнулся мул,

Сорвался с привязи и бросился к ущелью.

Угнали ветры розы брошенные – “К счастью!”
Как будто горы закричали где-то.
Наверное закончится ненастье –
Поплыли облака как лебеди по свету.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ЛАДО АСАТИАНИ

КРЦАНИССКИЕ МАКИ

Памяти трёхсот арагвинцев

Эй, вы, арагвинцы, ненасытные в войнах,
К вашим могилам пришёл я, чтоб склонить свою голову.
Может на чёрных черкессках ран ваших вспыхнул наряд?!
Кровь это или и вправду маки так ярко горят?!
Что же вас так ободрило, воины в чёрной одежде,
Или вдруг сабля запела Малого Каха как прежде?!
Щит зазвучал у Джурхая и всколыхнулась надежда.
А может бы мне показалось, и всё это выдумал зря?
Но что это старый Крцаниси такую зарёю объят,
И если не маки пылают, и если не раны горят,
Так что за ткая сила творит колдовской свой обряд?!
Эй, вы, арагвинцы, ненасытные в войнах,
Мне захотелось прийти к вам и склонить свою голову.

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ИОНА ВАКЕЛИ

СЧАСТЬЕ

Иных из нас не балует судьба,
Но мы не объявляли траура об этом,
И не выпрашивали никогда
Особых милостей судьбы поэту.

И что выпрашивать, что даст она,
Тем чья судьба сама немилость, ибо
Все милости к тем и текут до дна,
Кто служит им как раб, и в этом выбор.

А слово утешенья, что оно
Для тех, кого сживают с света козни?

Нет, это слово пустоте равно,
Когда не вызывает гнев народный!

Вот так и боремся... В конце концов,
Сама себя же и погубит жадность...
Но если в борьбе побеждает добро –
Вот оно счастье, вот она радость!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ЛИСТОПАД

Восходит солнце, день такой спокойный,
Стоят ветвистые деревья мирно,
И ветерок так шелестит листвою,
Будто бы мать беседует с сыном.

И вдруг один сорвался с ветки,
И ветер долго его нёс вдоль дороги,
И обречённости мрачная метка
Обдала кроны тоскою тревоги.

Сгинул, исчез...Но безудержным стадом
Вновь гордо шумят листвою деревья,
И в этой безмерности листопада
Сладостна всё же жизнь наша брэнная!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ЧЕСТНОСТЬ

Как просит сердце, так и поступаай,
Но знай поступка своего цену и меру;
Есть лишь один, труднейший путь в тот край,
Что мы зовём добром, в свою судьбу поверив.
Нет на пути том ни фиалок и ни роз,
Хотя кой-где цветёт мечтами местность...
И всё-таки сквозь ураганы и угрозы гроз
Идёт одна к великой цели Честность.
Зачем она сегодня так гонима
(Или испортит недостойным вечный пир?),
Когда для всех её святую силу
Давным давно признал законом мир!
Или быть может гости есть получше,
Или желаннее для нас по крайней мере,
И в чём причина, где секрет её отсутствия –
Или все наглухо пред ней закрыты двери?
Думаешь так..., и душа твоя вроде
Крылья с мечты снимает на вечность,

И всё-таки гордо ходит в народе
Не склонившая голову Честность!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

Я НЕ КУПИЛ ТЕБЯ...

Я не купил тебя и никогда не продавал,
Моё перо, в сраженьях обнажающее жизни бремя,
Ты пуля для одних, ты для других живительный бальзам,
Ты прочный мост, что намертво связал меня и будущее время.

И да минует нас обманчивая роскошь денег,
Кто ей доверился, тот жизнь провёл рабом,
Не измени нужде народной, любви его и делу,
И образ твой навеки сохранит народ!

Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ЦИНАНДАЛЬСКИЕ ВЕЧЕРА

1.

Н. БАРАТАШВИЛИ

Был этот юноша мучительно задумчив в те года,
Терзался болью он – то боль была истерзанной Отчизны.
И Рок, или быть может сам он, юность лучезарную свою отдал
На благо родины, что ветер уносил от мрачных закоулков Жизни!

Тяжёл был жребий, и время шло, неумолимо жизнь круша.
Непризнанный в отечестве пророк, он не признал Отечества духовной
жизни скудность;

И кичливым невеждам указал, что есть и где находится грузинская душа;

И нации открыл, какая захоронена в её глубинах мудрость.

И вновь, и вновь его преследовал и изживал дух зла,
И не смягчил никто огнём любви житейских катаклизмов,
И рано яд могилы принесла ему судьба,
И даже мёртвого не удостоила его слезой Отчизна.

Ушёл поэт, но голос одинокий не исчез,
Он медленно всходил сквозь косные пласты времён враждебных,
И потом, налитый силой гения, он волею небес,
Прорезал своды тьмы и осветил дух нации огнём волшебным.

Я вижу и сейчас воочью, как кораблём плыл белый гроб
По волнам, - нация предстала волнами людского моря, - и плыли
лилии;
Врата небес разверзлись, и плакал счастливый народ...
Так возвращался в Грузию великий дух Бараташвили!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

1. В ЦИНАНДАЛЬСКОМ ПАРКЕ

Как будто бабочки апрельской крылья нежные,
Трепещут и отсвечивают рвзноцветной гаммою,
Влекомая томленьем и надеждой,
Играет медленно Екатерина на фортепиано.

А рядом юноша – молчит закутан в собственные мысли,
Печально смотрит и страдает бесконечно оттого,
Что близко так лицо им вознесённое в заоблачные выси,
И что серёжка ласково играет с ним как бабочка с цветком.

И захотелось вдруг его судьбе несбыточного счастья,
Поднял глаза он робко, будто бы боялся прогневить богов,
Виднелось за окном цветущее пространство,
Алели розы среди других цветов.

Он всё стоял..., призывно трепетали дали,
И, наконец, открыть решился сердца рану,
Сидела гордо роза Цинандили,
Как будто промелькнул пред нею праздник урагана.

Всё сотрясалось в нём, в глазах горел огонь,
И бушевало сердце океаном,
Беззвучно клавиши наигрывали стон,
И слёзы потекли в душе огнём желанным.

И вновь всплеснуло сердце океаном,
По клавишам бежали пальцы рьяно...
Последнее признание окаянное
Сорвалось с губ его – и смолкло фортепьяно!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

Душеприёмная Чистилища – в чёрном одеянии Архистратиг стоял у входа,
Боролся долго, словно не спешил взять душу гения у бедного народа,
И даже удивлялся, что поэт был под какою-то таинственной сенью,
И хоть страдал и мучился, но был так равнодушен к перевоплощенью.

Но в это время дверь мечты раскрылась и вдруг возникло чудное виденье,
Был Цинандали, длинная аллея и божество само, и снова вдохновенье;
Она стоит прекрасная как утро, взгляд царственный – и ласковый, и
неприступный...
Но что там, – свадебная свита, белеет платье белизной преступной.

Поднялся медленно от сметного он ложа, в душе всё сокрушали ураганы:
“Нет, смерть повременит, к чертям небытие, пусть подождут могильные урганы;
Нет больше родины, любимой, всё прошло, но не должна быть жизнь совсем
напрасной,
О, только бы найти живое существо с душой с моей душою сопричастной!”

И вновь летел он и остались позади людские преступления и пороки;
Он был поэт, и воин, и один, и бился как герой с людским, всеобщим роком.
Предстал Мерани чёрным вихрем в облаках, и бушевала мысль и рвалась к
звёздам;
Чудесный всадник промелькнул на небесах, рассыпав молний огненные гроздья.

О, так лети же вечно, без конца, пусть не кончается полёт твой звёздный,
Тебя теперь уж больше не крушат ни боль, ни жажда, ни обманчивые грёзы,
Лети бесстрашный муж, лети всегда, лети во славу человеческого рода,
Ты пробудил от векового сна сражающийся дух грузинского народа!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

ЧТО ЗА СТРАНА МЫ

Что за страна мы? Тех, в ком великие страсти
И без того жизнь обрекают на подвиг во имя страны,
Мы не выносим, и изгоняем их подлостью, силою власти:
О, Руставели, Илья, Саакадзе,... о лучшие, самые лучшие наши сыны!

Не исчезают их душегубы, вновь они живы,
Разве воздала им жизнь по заслугам вполне?
Гибнут под градом хлеба насущного нивы,

И Яго беспечным героем идёт по стране!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ

П О Э Т Ы

То бушует,
то течёт спокойно,
застойся
или заспешит,
и всегда чернильной каплей тёмною
жизнь на кончике пера висит.

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

* * *

На смерть Эрнеста

Хемингуэя

Он был охотником, и, бродя по свету, зверя бил.
В тот день он вышел на свою последнюю охоту,
И настиг... божественного зверя.

Его последнюю добычу оплакал мир.

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

БЕСЕДА НА КЛАДБИЩЕ
(3 голоса)

- Смотри, что есть жизнь –
Вот всё что осталось!
- Но может быть мысль
Бессмертной стала?!
- Нет, то что осталось
Не это – другое:
Душой оно звалось,
И рвалось к покою.

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

* * *

В кромешной тьме подземного тоннеля
Мчит свет вагона метрополитена;
Вдруг он, иные набирая выси,
Ушёл в незавершенное пространство моей мысли.
И вот уже не я сижу в вагоне,
А мчит Гагарин, или Борман в "Аполоне" -
Корабль разгоняю я к Луне,
(И радостно и жутковато мне):
За окнами полос таинственных мерцанье,
Не электрические лампы там сверкают -
Гривы метеоров первозданных!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

* * *

Забыты условия мира,
И вновь начинаются войны,
И путь человечества зримо
Дороге слепого подобен!
Перевод с грузинского
Н. Барнабишвили

ЛЕТАЮЩИМ ЛЮДЯМ

Не бросайте Землю надолго –
Не прощают измены родители:
Мы лишь тени великого долга,
Хоть и кажется он унижительным!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

* * *

Памяти актёра Георгия Шавгулидзе

Скольким людям, ушедшим от нас,
Никогда не вернём мы долга,
Но особенным был этот чистый алмаз –
Человек нехватящий городу.

Мы знавали его только издали,
Быть с ним вровень мечтали смолоду,
Он ушёл в неземные дали –
Человек нехватящий городу.

Потерять его было так трудно,
Все черты его были нам дороги.
Нехватает, хоть очень здесь людно, –
Человека любимого городом

И терзаясь (всё ищешь в толпе)
По улыбке такой вечным голодом,
Видишь: вот он смеётся... сквозь снег –
Человек нехватящий городу.

Нам запас доброты надо множить,
Доброта наша – душ наших золото.
О судьба,... дай нам жизнь так прожить,
Чтоб потом нехватало нас городу!

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

МОЛЬБА

Не дай мне бог свидетелем стать унижения чужого:

С меня довольно и врага такого, как я сам,
Которого не раз униженным я видел!

грузинского

Перевёл с

Н. Барнабишвили

УШБА

Уснула ты, и свет
гореть остася. У постели, там же,
валяется цветком раскрытым книга.

Раскрыты окна широко, и ветер
Подёргивает в окнах занавесы-крылья.
Снаружи ночь легла широко и спокойно.
Умолкла улица, и временами только
Промчит авто, и звук его бегущий
Или шаги прохожего единственного, где-то
Нарушат тишину...

Ты спишь сейчас,
и спят и улица твоя и целый город, -
и голова его, отяжелевшая от множества дневных забот,
лежит как в колыбели в углублении горы отца Давида.
И спит он беспокойным, трезвым сном
охотника или быть может зверя.

А с высоты на всё: на спящую тебя и эту улицу твою,
на город с окружившими его горами,
за горные хребты – на дальние дороги и вокзалы,
на тополя, растущие вдоль рельсовых путей,
на тёмные поля, на города и сёла, на Грузию
уснувшую в объятиях Кавкасиони, -
бездонное взирает небо,
такое, как моя забота... и всё видит;
но ничего не помнит, не умеет помнить,
и, вероятно, потому не представляет -
что значит старость и что значит время...

Ты спишь сейчас.

А далеко от тела твоего, непостижимо
далеко, за стенами твоей квартиры,
и высоко, над башнями Сванетии суровой,
среди вершин хребтов Кавкасиони,
спит Ушба, гордое дитя Кавказа;
и на её неповторимых склонах безмолвие
царит такое, что леденеет сердце. Нетронутый,
безгрешный снег вокруг,
и звёзды в страхе перед этим снегом
по временам холодные глазницы закрывают.
Бессмертный снег везде, и глотки
голодом развёрстых горных трещин
набиты снегом, и не будь его, наверно,
безмолвия не вынесли бы камни,
и глотки трещин заорали б в небо,
охваченные ужасом безмолвья...
Снег..., снег..., нигде не слышно
крика или просто звука...
Но посмотри: в бесстрастном свете звёзд,
как на снегу рассыпанные зёрна,
виднеются следы чьих-то ног.
Не смог обвал их поглотить, и ураган
не смог стереть следов скитальца.

И под огромностью ночного неба
одни лишь зёрна этих отпечатков,
как надпись клинописью древнего писца,
и нет им – ни начала,
ни конца...

Ты спишь сейчас.

А близко, с тобою рядом,
спит ребёнок, дочь твоя,
и светел сон твой,
как светла любовь твоя – к нему...
Душа твоя подобна снегу Ушбы,
нетронута и девственно чиста.
Но посмотри: в бесстрастном свете звёзд,
как на снегу рассыпанные зёрна,
и у тебя в душе видны следы шагов
неосторожно, твёрдой поступью прошедшего мужчины.
Не смог обвал их поглотить, и ураган
не мог стереть следов какого-то скитальца.
Безмолсвует твоей души белеющее царство!
Одни лишь зёрна этих отпечатков,
как надпись клинописью древнего писца,
и нет им – ни начала,
ни конца...

В соседней комнате лежит твой муж.
Он – не похож на тех,
кто смеет подниматься на вершины.

Перевёл с грузинского
Н. Барнабишвили

მთარგმნელის აგან

პატივცემულო მკითხველო! მე გთავაზობთ ვ. მაიაკოვსკის ლექსის “მარცხენა მარში” თარგმანს, თუმცა კარგათ მესმის, რამდენად მოულოდნელი იქნება ეს ახლა, ჩვენს დროში და ჩვენს ქვეყანაში. და არა მხოლოდ ახლა. დაახლოებით 20 წლის წინ, როდესაც მე ვაჩვენე ერთ ერთი ლიტერატურული ჟურნალის რედაქტორს, მაშინ ჩემს მიერ ახალი გაკეთებული, მაიაკოვსკის ამ ლექსის ქართული თარგმანი, მან გაცემით მკითხა: “რატომ მაიაკოვსკი, და თუ მაინცდამაინც მაიაკოვსკი, რატომ «მარცხენა მარში» ?!” ეს იყო დრო, როდესაც საბჭოთა კავშირი ჯერ კიდევ არსებობდა, მაგრამ მშრომელი ხალხის სტალინისეული სტატუსი უკვე იყო უარყოფილი და დაგმობილი – იწყებოდა კაპიტალეზის პირველდაწყებითი, ჯერ კიდევ იატაკქვეშა, უკანონო, დაგროვება, თავდაპირველად საზოგადოებრივი ქონების და სახსრების დატაცებით. მერე, საბჭოთა კავშირის დაშლის შემდეგ და ეროვნული სახელმწიფოების

ჩამოყალიბების დროს, შეუდგნენ უშუალოდ ხალხის პირადი საკუთრების მითვისებას (ანაბრების გაუქმებით, ფულის რეფორმების გზით); დაბოლოს უცხოურ კრედიტებთან მახინაციების საშუალებით დაადეს სახელმწიფოებრივი ვალების უღელი მოზარდ თაობებს და ჯერ არდაბადებულ, მომავალ მოქალაქეებს. ხორციელდებოდა ეს ყველაფერი საბჭოთა და შემდგომ პოსტსაბჭოთა ელიტების თაოსნობით და აქტიური მონაწილეობით. მაშინ, როდესაც იწერებოდა ეს თარგმანი, ხსენებული პროცესი უკვე დაიწყო, და მისი მსვლელობა განპირობებული იყო საზოგადოებრივი ფსიქოლოგიის წინასწარი მომზადებით. თავისთავად ცხადია – მაშინ ეს თარგმანი არ იყო გამოქვეყნებული, მაგრამ ის კითხვა დარჩა.

მაშასადამე, რატომ მაიაკოვსკი?! პასუხი მარტივია. ვ. მაიაკოვსკი თანამედროვეობის უდიდესი რუსი პოეტია, რუსული პოეტური (და არა მხოლოდ პოეტური) ენის რეფორმატორი; ამავე დროს ქართველი მკითხველი, თუ მან არ იცის სრულყოფილად რუსული ენა, არ იცნობს მაიაკოვსკის, როგორც არ იცნობს გალაქტიონს რუსი მკითხველი: თარგმანები ბევრია, მაგრამ, არ არის ადეკვატური თარგმანი.

შემდეგი კითხვა, რატომ მაინცდამაინც “მარცხენა მარში”?! აქაც პასუხი მარტივია. ეს, შედარებით არც თუ ისე დიდი, ლექსი წარმოადგენს დამაკავშირებელ რგოლს მაიაკოვსკის წინარევოლუციური და რევოლუციის შემდგომი შემოქმედების შორის; ხოლო ჩემთვის ეს იყო მაიაკოვსკიდან თარგმნის პირველი ცდა. სამწუხაროდ ამ ცდას არ მოჰყვა გაგრძელება, რადგან ჩემს გეგმებს მაიაკოვსკის წინარევოლუციური პოეზიის შემდგომი თარგმნების გაკეთების თაობაზე განხორციელების ბედი არ ეწერა, ჩემი თარგმნების იმდროინდელ რედაქტორების მენტალიტეტთან შეუთავსებლობის გამო. მაგრამ, არა მხოლოდ ამ მიზეზით. ვ. მაიაკოვსკის “მარცხენა მარში” აღიარებულია როგორც მისი პოეზიის ერთერთი უდავო შედეგრი. არსებობს ამ ლექსის თარგმანები სხვადასხვა ენებზე; მათ შორის თავისი მხატვრული ღირსებებით გამოირჩევა გერმანული თარგმანი, რომელიც გააკეთეს და შესთავაზეს ფართო აუდიტორიას გერმანელმა ანტიფაშისტებმა: პოეტებმა ბერტოლდ ბრეხტმა და ერიხ ვაინერტმა მომდერალ ერნსტ ბუშთან ერთად - გასული საუკუნის 30-ან წლებში, გერმანიაში ფაშისტური დიქტატურის დაწყების პერიოდში. ამ თარგმანს ორიგინალის ეკვივალენტიც შეიძლება ეწოდოს. მაიაკოვსკის პოეზიის თარგმანი ქართულ ენაზე, სამწუხაროდ, არ გამოირჩევა ასეთი წარმატებით. და ეს მით უფრო სავალალო ფაქტია, რომ, ტიციან ტაბიხის მეტაფორა რომ გამოვიყენოთ, მაიაკოვსკის ჩანგში ერთ-ერთი სიმი მაინც ჟღერს ქართულად.

ვ. მაიაკოვსკის ეს ლექსი დაიწერა 1918 წელს, და აქ გამოყენებული ზოგი ცნება დღეს მოძველებულია. ჩაბარდა წარსულს პროლეტარიატის დიქტატურა; თვით პროლეტარიატის ცნებასაც დიდი ხანია დაეკარგა მესიანობის შარავანდი; აღარ არსებობენ რევოლუციური მატროსები. ი. სტალინის სიკვდილის შემდეგ რუსეთმაც დაკარგა თავისი პროგრესული როლი მსოფლიოში. მაგრამ, რაც არ უნდა შეიცვალოს დრო და ცნებები, რაღაც გარდაუვალი და მარადიულია ჩაქსოვილი ამ ლექსში, რამეთუ ამ ლექსით – და ამას თვით სათაური გვიდასტურებს – მაიაკოვსკიმ შექმნა მშრომელი ხალხის ღირსების ჰიმნი.

დაბოლოს, რამოდენიმე სიტყვა თარგმანში ჩვენს მიერ ჩადებულ პრინციპზე. ჩვენი ძირითადი მიზანი იყო ქართული ენის მაიაკოვსკისებურად, ე. ი. უხეშად რომ ვთქვად – რუსულად, აჟღერება (და არა პირიქით – მაიაკოვსკის აჟღერება ქართული ენის არსებული სტერეოტიპების მიხედვით). საერთოდ, ჩვენი ღრმა რწმენით, მხოლოდ ასეთი პრინციპით შეიძლება ნებისმიერი დიდი პოეტის ადეკვატური

თარგმნა ნებისმიერ ენაზე. ამ პრინციპთან დაკავშირებულია თარგმნის ხერხებიც. აქ, ამ მხრივ აღვნიშნავთ, ქართულ თარგმანში სიტყვის “დასცხით”, წარმოქმნილ სიტყვა “დასცხესაგან”, შემოტანას. სიტყვის ასეთი წარმოქმნის მაგალითს (ნეოლოგიზმს) ხსენებულ ლექსში გვამღევს თვითონ მაიაკოვსკი: სიტყვა “леевои” – წარმოქმნილი სიტყვისაგან “лить”.

ვლადიმირ მაიაკოვსკი